

Петр
Проскурин

КОРНИ
ОБНАЖАЮТСЯ
В БУРЮ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 82

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-34197-5

© П. Л. Проскурин (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В июне было много солнца, с утра и до ночи оно стояло в небе, и в нагретой сырости появились тучи гнуса, он облеплял все живое, и олени уходили на открытые, ветреные места, у людей распухали и горели лица.

От низин несло холодом, там еще лежал нерастаявший, ноздреватый снег, а на возвышенностях уже запестрели цветы: карликовый камчатский лавр, подснежник, голубика, жимолость; косяки уток носились над разбухшими протоками и речками, густо шел на нерест в залитые водой травянистые места плодовитый карась. На сопках, наполовину белых, холодно искрились в синей высоте еще не тронутые снега; тайга у их подножий была испещрена недолговечными ручьями, в смолистом, словно промытом дождями воздухе стойко удерживались запахи прели и сырости.

Было воскресенье, на делянах лесорубов стояло затишье, молчали передвижные электростанции и тракторы, не было видно людей; когда на одной из дорог раздались голоса, проворная белка стрелой взметнулась по старой лиственнице на самую вершину, сердито фыркнула, торопливо замелькала по голым сучьям, иногда останавливаясь и замирая, присматриваясь к движущимся внизу людям, но они были заняты лишь собой, в их движении не было ничего угрожающего, и зверек скоро успокоился и стал чиститься. Александр, заметив его,

тут же забыл и опустил глаза; он был высок и несколько сутуловат от возраста, лица его пока не касалась бритва, и во всем облике проглядывало много детского, неустоявшегося. Помахивая веткой, он шагал рядом с девушкой, осторожно обходявшей непросохшие места, и не обращал, казалось, на нее никакого внимания, но это было не равнодушие, а скорее близость, когда люди, находясь рядом, понимают один другого почти без слов. И действительно, стоило ей слегка задуматься, как он тотчас спросил:

— О чем ты?

Он уловил в ее глазах растерянность.

— Никак не могу представить, что мы уже взрослые, Сашка... Ты вот уже окончил школу, мне остался один год...

— Да, — улыбнулся он неопределенно, — говорят, выпущенная из клетки птица долго не решается улететь.

— Человек не птица, и все же...

— Что? — спросил он, с любопытством взглянув ей в лицо.

— Непривычно как-то. Десять классов — и ты взрослый человек.

— Удивительное открытие!

— Смеешься!

— Приходится... Да ты погоди! — Он взял ее за руку. — Я ведь шучу. Зачем мне смеяться? Вот я недавно слышал от Генки Калинина, что ты меня любишь, ему вроде бы сестренка сказала.

С его стороны это была всего лишь шутка, но она сразу посерьезнела, она и раньше чувствовала перемену, назревавшую в их отношениях, только когда все это началось? Жили рядом, думала она, с усилием хмурясь, росли на глазах друг у друга, вместе учились, и всегда им было друг с другом интересно и свободно, а вот с не-

которых пор он стал глядеть как-то иначе, словно бы со стороны, словно что-то отыскивая в ней и оценивая, и все это начинало ее тревожить, хотя и само смутное, не совсем приятное чувство беспокойства было ей приятно. А он старается делать вид, будто все остается по-прежнему, и они продолжают приглядываться друг к другу и ищут, все время ищут встреч. Видеться хотя бы мельком, хотя бы издали стало какой-то непреодолимой потребностью; вот и сейчас в его шуточных словах опять чувствуется желание отвлечь ее от главного, и в голосе у него неуверенность, почти просьба, а глаза странно вызывающи.

— Перестань, — негромко попросила она.

— А все же?

Молча посмотрев на него, она резко повернулась, и он едва успел удержать ее, схватив за локоть.

— Ведь да? Это ведь правда? Генка...

— Оба вы с Генкой идиоты. Вам бы...

— Ну ладно, кончено и забыто, Ирка, — сказал он, — я ведь тоже понимаю, что у тебя отец директор леспромпхоза, а я... Ну кто такой я? — спросил он насмешливо, и она, быстро взглянув на него, с досадой отвернулась.

— Знаешь, Сашка, перестань, — сказала она медленно. — Ты меня всякими глупостями не удивишь, да ведь только к чему они?

Чуть приотстав, он нагнулся за еловой веткой, но девушка чувствовала на себе его взгляд, и это сердило ее и несколько волновало.

— Подожди, Ирина, — окликнул он другим, более спокойным тоном, — давай лучше к озеру сходим, красотища там сейчас, воды полно, на зорях карась балует. Ты знаешь, Раскладушкин туда недавно ходил, пятьдесят штук принес.

Свернув на влажную, еле обозначавшуюся тропку, ведущую вглубь, они пошли друг за другом молча, де-

вушка впереди, Александр — за нею, тропинка была слишком узка и неудобна. Все так же, не выпуская из рук еловой лапы, не отрываясь, он смотрел на шагавшую впереди девушку, и опять, в который раз уже, на него нахлынуло радостное ощущение силы, ему захотелось подхватить ее на руки, и даже мускулы напряглись и стало трудно дышать. Только бы подхватить на руки, подумал он, весь настороженный, подхватить, чтобы она испуганно обняла его за шею, почувствовать ее руки, интересно, обидится она или нет?

Словно подслушав его мысли, Ирина оглянулась.

— Что ты?

Он с усилием заставил себя отвести глаза в сторону, пристально посмотрел на острую вершину молоденькой елочки.

— Я — я? Ничего. Подумал вот... Кем бы хотел меня отец увидеть после школы? Ты же знаешь, у меня ведь отца совсем не было. Нет, быть он, конечно, был, но я его совершенно не знаю. Мать не любит рассказывать, говорит, что погиб во время войны, в сорок четвертом. А вообще-то, она на этот счет неразговорчива.

— Ты только об этом думал сейчас? — спросила Ирина, делая удивленное и непонимающее лицо; она молча развела руками, улыбнулась. — Тебе, Сашка, в артисты бы...

— Куда уж, — сумрачно усмехнулся он. — Мы как-нибудь попроще проживем, наши идеалы: бревно — рубль, рубль — бревно. Правда, выражаясь так, я теряю в твоих глазах, но что поделаешь?

Тропинка, идущая по мягкой, мшистой почве, затейливо петляла по тайге то в обход валежины, то по молодому подлеску; между деревьями по земле ходил легкий ветерок, и в его шум дятел сыпал частую дробь.

Александр остановился.

— Ирина... Постой, Ирина!

Таким тоном он никогда еще не разговаривал с нею; и она, удивленно оглянувшись, споткнулась о корень и в следующую минуту оказалась у Александра на руках; ахнув, она испуганно обхватила его за шею и совсем близко, рядом увидела его светлые, показавшиеся огромными глаза.

Он хотел поцеловать ее в губы, но она резко откинула голову, и он прижался губами к ее шее, чуть ниже уха, и ей показалось, что вдруг установилась полнейшая тишина, и в первый момент она замерла от неожиданности, затем, вывернувшись у него из рук, отпрянула в сторону и прижалась к толстому стволу. Не отрывая от нее глаз, Александр медленно приближался, и она, забыв обо всем на свете, вскрикнула:

— Сашка!

Он остановился, поглядел на нее, моргнул и сел на валежину, спиной к Ирине, и она, постояв немножко, неуверенно пошла к нему; толстый слой мха скрадывал ее шаги, но он услышал и глухо сказал:

— А может, я тебя люблю...

— Да, любишь, — ответила она после долгой паузы, и ее голос прозвучал по-детски обиженно. — Любят, наверное, не так.

Прикрывая шею тонкими смуглыми пальцами, она наглухо застегнула воротник блузки, отодвинулась, и Александр медленно встал; они смотрели прямо в глаза друг другу.

— Нет, — внезапно произнесла она враждебно и четко и сейчас же смягчилась, повторила: — Нет, Саша, ты подумай, к чему это?

— Мне девятнадцатый год, я окончил школу и могу работать.

— Ну что школа, — прервала она, втайне довольная переменой разговора. — Десять классов сейчас ерунда, всего-навсего грамотный дворник.

— А это? — Александр выставил вперед большие исцарапанные руки, растопырил пальцы. — А это? Или ты хочешь сказать, что тут пусто? — шлепнул он себя по лбу и замолчал, приглядываясь к темневшему из-за воротника блузки пятну. — Знаешь, ей-богу, я не хотел, — проговорил он глухо. — Сам не понимаю, как получилось.

— Ладно уж. Вот если только отец заметит, влетит мне. Послушай, Сашка, не смей больше этого делать, ты, пожалуйста, руки не распускай. Никогда не смей, — повторила она резко, сдерживая неожиданное смятение в себе; ей больше всего хотелось сейчас уйти от него, остаться одной, сесть где-нибудь, и поглядеть в небо, и подумать, что происходит; но уж была какая-то особая нить, связывающая их иначе, чем это было часом раньше, и она понимала, что, если чересчур резко натянуть ее, будет и больней, и нехорошо, и неприятно.

Ближе к озеру настороженность у них возросла, им вдруг послышался чей-то голос, они остановились, прислушиваясь и выжидая.

— Дела, — пожал Александр плечами и решительно двинулся вперед; Ирина взяла его за руку, и они, прижавшись друг к другу, осторожно раздвинули кусты и переглянулись. У самой воды, по неширокой галечной отмели быстро и нервно расхаживал невысокий человек, он временами останавливался, кажется, о чем-то вслух рассуждал с собою, и со стороны это выглядело нелепо.

— Это ведь Павлыч, — сказал Александр удивленно. — Ты смотри, как он важно вышагивает, вот дела-то.

— Пьяный, наверно, — вслух подумала Ирина. — Пойдем, не надо к нему подходить, пьяный он нехороший, такой злой, ругаться начнет. Ну его...

— Подожди, надо же узнать, в чем дело, — остановил ее Александр. — Какой он злой, несчастный он, я у него всегда книги беру. Все свои деньги он на водку да на

книги тратит. Знаешь, таких книг и в городе, пожалуй, не встретишь. Чудак-человек, чего это ему вздумалось забрести в такую глушь?

— Бывает же, хочется человеку одному побыть, — сказала Ирина. — Если не пьяный, тем более нечего ему мешать, у меня отец тоже любит один бродить. Подожди. — Взглянув снизу ему в лицо, она поправила свисшую на лоб и растрепавшуюся прядь светлых волос; как раз в это время Васильев опустил на гальку и замер, зажав ладонями уши, ему словно мешала стывшая вокруг таежная тишь, отражавшаяся от спокойно светившейся темной поверхности озера, окруженного со всех сторон большими мшистыми деревьями. Где-то недалеко в ненасытной истоме закричала утка, и Васильев озабоченно поднял кудлатую голову, прислушался, затем взял удочку и, помедлив, взмахнул ею.

— Нет, он не пьяный, — сказал Александр, — я все-таки выйду.

Легко раздвинув заросли, он выбрался на песок и медленно пошел к Васильеву, сидевшему к нему спиной; он знал, что Ирина не любила и боялась этого человека, но сам он был привязан к Васильеву с детства и остро переживал частые его запои; этот человек не был похож на остальных, и одно это делало его в глазах мальчика интересным, он то смотрел на Васильева волчонком, то тянулся к нему, а когда Васильев, живший рядом, однажды взял его на колени, то он сразу притих, впервые почувствовав руки мужчины. Таким мог бы быть и отец, подумал он тогда, чувствуя дрожь сильных, сжимавших его рук.

Так и началась их дружба; все это как-то сумбурно и сразу вспомнилось Александру, но не смогло перебороть его радостного настроения и того, что Ирина близко и он только что поцеловал ее; он подошел к Васильеву по мягкому песку, скрадывавшему звуки шагов, но Ва-

сильев все равно почувствовал и оглянулся, и Александр увидел его пустые, безразличные глаза.

— А тебя чего сюда занесло? — спросил Васильев с холодным удивлением, почти враждебно.

— Дело было, — отозвался Александр. — Здравствуй, Павлыч.

— Здравствуй. Уж если пришел, садись, покурим, а?

— Спасибо, не хочу тебе мешать.

— Ну если не хочешь, уходи, — сказал Васильев и отвернулся, все время подергивая удилице, и Александр видел, как плясал на воде пробковый поплавок; вот уж действительно старик не в духе, подумал он, словно тебя ледяной водой окатило. Что это с ним опять?

— А может, все-таки побыть с тобою? — неуверенно предложил он; Васильев лишь сильнее дернул удилице и остался сидеть, так же выставив широкую спину.

— Уйди, ради бога, Сашка, — сказал он неожиданно, — ты же знаешь, я, часом, сам себе не рад.

Помедлив, Александр вернулся к Ирине, и они побрели назад, долго шли молча и оживились у самого поселка, лишь встретив идущего куда-то хромого Раскладушкина — полнеющего мужчину лет сорока пяти, с бабьим, лишенным растительности лицом, над которым почти в открытую смеялись, потому что в последних числах каждого месяца от него уходила жена и Раскладушкин дня три-четыре разыскивал ее, обходя участок за участком, расспрашивая каждого встречного. Наконец ей надоедала холостяцкая жизнь, она давала себя найти, и оба возвращались домой успокоенные, примиренные и утомленные: она — бурно прожитой неделей, он — тревожнениями долгих бесплодных поисков.

Проходя мимо, Раскладушкин молчаливо кивнул Александру, задержался взглядом на Ирине и, вздохнув с видом все понявшего человека, захромал дальше.

— От него вчера опять Марфа сбежала, искать отправился, — сказал Александр без тени улыбки на лице.

Сумбурная и нелепая жизнь Раскладушкина предстала перед ним в каком-то ином виде, и он пожалел его за выпавшую на долю безалаберную судьбу и за непрестанные насмешки от старых и малых.

2

Игреньск — небольшой поселок, в центре — магазин, клуб, столовая, три небольшие улицы, вокруг — поредевшая, но все еще дружная тайга, которая в осенние дожди и ветра темнела и начинала гудеть. Зимой на поселок часто обрушивались метели, в сильные морозы деревья звонко постреливали, на крышах домов, у печных труб, находили глухарей. Весной было много воды, и через улицы перекидывали высокие дощатые мостики. Летом по таежным дорогам днем и ночью шли тяжело груженные лесовозы. За какой-нибудь месяц работы Александр врос в беспокойную шоферскую жизнь, привык к специфическим запахам бензина и масла, к грязной диспетчерской, ночным рейсам и узким, неудобным дорогам. Правда, ему дали старенькую газогенераторную машину, но для начала и это было неплохо; в первые же дни Александр открыл, что изношенный, залатанный газген стяжлив, хотя на него порой находили непонятные приступы: он останавливался, окутываясь удушливым дымом, и его нельзя было заставить сдвинуться с места самым героическим усилием. Нужно было просто оставить его на время в покое, пока где-то в его трубах и переходах не восстановится равновесие; тогда он вдруг мгновенно заводился и бодро тянул вперед до следующего каприза.

Заканчивая последний рейс, Александр, то и дело прибавляя газу, как раз вспомнил об этом; сегодня Ирина обещала побродить вместе по тайге; она встретилась ему утром с ведром воды и в ответ на его слова

походить перед вечером вдвоем скупой улыбнулась и, не останавливаясь, кивнула.

Сдав машину сменщику, скуповатому украинцу Ивану Шамотько, Александр отправился домой, поглядывая на стекла окон, обращенные к западу и отсвечивающие густым багрянцем. По улице, поднимая пыль, наперегонки бегали ребятишки и собаки; мать встретила его у крыльца; она чистила карасей на ужин, и крупная карасиная чешуя, облепившая ей руки, отсвечивала медью; устало отерев лоб тыльной стороной ладони, она отложила нож и сказала:

— Рано что-то сегодня.

Не останавливаясь, Александр прошел в дом, и губы женщины тронула слабая улыбка, ну вот, ну вот, сказала она себе, все идет как надо, и то, чего была лишена она сама, даст Бог, будет щедрее отпущено сыну, так в жизни и получается.

Она посмотрела на остановившегося у калитки Головина, сразу чувствуя себя стесненно и неловко, и, сердясь на него, стала поправлять платок, стараясь не загрязнить его руками.

— Здравствуй, Трофим Иванович, — сказала она, как всегда при встречах и разговорах с ним, вся сжимаясь, уходя в себя и жалея, что в какой-то момент их простые, дружеские отношения кончились и нужно притворяться и скрываться, и, самое главное, что это все ни к чему. Дети ведь стали совсем взрослыми, и ей нечего ему сказать; он ведь умный мужик и сам хорошо все понимает. Ничему между ними не быть, знает, а не хочет остановиться, будут бабы зря языки чесать, и перед Сашкой стыдно, он теперь понимает.

Досадуя на себя, что не удержалась и высказала свое волнение, Нина Федоровна, пряча нездоровые, темные пятна под глазами, опустила голову, нащупала клейкий от рыбной слизи черенок ножа, выловила в ведре толсто-

го золотистого карася и положила его на доску перед собой.

— Как мой там, справляется с машиной? — спросила она внезапно, не поднимая головы и ловко соскабливая с рыбины чешую.

— Да хлопец смышленный, кажется, — сдержанно отозвался Головин.

— Ирину в институт думаешь отправлять?

— Очевидно, через год, вот и подошло время, один остаюсь.

— Ненадолго.

— Почему?

— Еще спрашиваешь, ваш брат долго не выдержит.

— Интересно, зачем и кому это нужно такое воздержание?

— Тш-ш, — прервала она, увидев вышедшего на крыльцо сына.

Александр, приглаживая встрепанные волосы, сказал:

— Добрый вечер, Трофим Иванович.

— Здорово, Саша. Вот на карасей к вам напрашиваюсь.

Покосившись и пряча светлые глаза, тот пожал плечами.

— А чего... Приходите, хватит.

Позванивая ведрами, он пробежал мимо, Головин проводил его взглядом.

— Растут дети. Что ж... учиться дальше не думает?

— Не знаю, пока нет. Привык, говорит, к тайге, в городе скучно, мол, будет.

— Хороший хлопец.

— Жаловаться не приходится.

Ополоснув руки, Нина Федоровна стала собирать сухие щепки, чувствуя его взгляд спиной, и думала, что ему пора бы уйти, и, точно поняв ее мысли, Головин пошел к своей калитке; она услышала, как поскрипывали его новые кирзовые сапоги, и облегченно вздохнула.

Кончился еще один долгий весенний день, вот и на лесопилке уже проверещала сирена, в поселок со всех сторон потянулись рабочие; у столовой в ожидании ужина собралась холостая молодежь, и во дворах начинали дымиться летние кухни; она разожгла огонь, поставила сковороду с маслом, налила в глубокую тарелку молока и, окуная в него карасей, клала их на шипящую сковородку; нет, нет, думала она в это время, никаких изменений для себя ей не надо, она, может, дождется, когда женится Сашка, он ее не обидит, а больше ей ничего и не надо. Раньше она даже не мечтала о таком вот хорошем и спокойном времени: он ей и воды наносит, и дров наготовит, и зарабатывает хорошо; ей остается только накормить его, сходить в магазин, прибраться дома. Им хорошо вдвоем, к чему же все это рушить, от добра добра не ищут. Да и какая из нее теперь жена, все болеет, постоянная слабость в теле, хочется подольше полежать.

И, накрывая стол, незаметно и споро делая домашние дела, Нина Федоровна по-прежнему была в каком-то непривычном состоянии и все думала и думала, и, когда сын, уже при свете поужинав и накидывая на плечи пиджак, сказал, что ходит к Васильеву и чтобы она ложилась и не ждала его, она, убирая со стола, лишь молча кивнула.

Давно прошло то время, когда она не могла уснуть, если сын задерживался, а теперь ее лишь удивляло порой, как быстро промчались годы. Ведь давно ли, кажется, рвалось в родовых муках тело и землянка, в которой она лежала, содрогалась от тяжелых взрывов бомб, но потом наступило затишье, и появился ребенок, и она, искусав от боли руки, долго глядела на него с испугом и недоумением. Ей было в то время чуть больше восемнадцати, и по земле шел тот самый сорок второй, когда дороги были густо завалены трупами, а соли было невозможно выменять и на золото.

Остановившись у клуба прикурить, Александр замешкался, ему не хотелось, чтобы Шамотько спросил, куда он так спешит. Шоферы, человек шесть, спорили о нормах вывозки. Шамотько горячился, то и дело хватал подвернувшегося кстати Александра за пиджак, и Александр насилу выбрал момент, чтобы незаметно отойти от него и нырнуть за угол. Он чуть не столкнулся с Галинкой Стрепетовой — молодой приемщицей леса на береговых складах.

— Ох, чтоб тебе, — сказала она, не двигаясь с места, и тут же рассмеялась. — Ты на пожар летишь, что ли?

Он не видел выражения ее глаз в полумраке, но видел ее высокую грудь, поднимавшуюся от легкого испуга, и заторопился сильнее.

— Некогда, — уронил он уже на ходу, и Галинка пожелала вслед ни пуха и ни пера, сказала что-то еще звенящим голосом, но он не расслышал.

Ирина ждала, она вышла ему навстречу из-за толстой березы и сказала неожиданно просто:

— Вот и я. Бежал?

— Ага! Ребята, понимаешь, встретились, задержали.

— Я здесь недавно. Стою и думаю, что тайга тоже спит.

Он сделал вид, что прислушивается, затем попытался взять ее за плечи, но она отодвинулась.

— Ирина... Знаешь... — Он оборвал; невозможно сказать ей вот так просто, что он без нее не может, что им нужно пожениться.

Было ветрено, они стояли в полном одиночестве, далеко от поселка.

— Не любишь ты меня, — неожиданно сказал Александр. — Так все, попусту, даже поцеловать не захотела.

— Сашка, ну как тебе не стыдно? Чего это вдруг целовать тебя? Чего ты хочешь? Мы же договорились, окончу десятый класс...

— Легко сказать, как старуха, по пальцам высчитываешь. А я только и думаю, вот вечером увижу...

Она шагнула к нему, взяла за руку; вот он сейчас поцелует меня, я знаю, поцелует, сказала она, и когда он в самом деле поцеловал ее раз и другой и все стоял, не отпуская, она, волнуясь от его близости, от горячих губ и рук, вдруг сама быстро и неумело поцеловала его и, с каким-то пугающим замиранием в сердце освобождаясь, быстро сказала:

— Ну вот я, какая есть, думай что хочешь. И подожди... наверное, это не сразу рождается. Мне сегодня тоже весь день хотелось, чтобы постоять с тобой, одним... вот так...

Она опять несмело прижалась к нему, и Александр почувствовал, как вздрогнули ее руки, у него потемнело в глазах, и он заставил себя отстраниться.

— Ты вот, возможно, учиться уедешь, — сказала она, заглядывая снизу ему в лицо и стараясь рассмотреть в темноте выражение его глаз. — Разве можно так?

Казалось, она говорила, как всегда, спокойно, и он не мог не сердиться.

— Учиться? — переспросил он. — При чем здесь это? Ты же знаешь: матери трудно работать. И потом, вряд ли мне выдержать конкурс. Пожалуй, я подготовлюсь лучше, как следует, а пока работать буду. Там дело покажет.

— Хорошо, я же ничего не говорю. Я лучше пойду сейчас, уже поздно, отец тревожиться будет. До свидания, Саша.

— Мне с тобой можно? — спросил он, и она почувствовала в его голосе обиду; вот и хорошо, подумала она, ну что он какой-то прямо сумасшедший.

— Знаешь, Саша, только до поселка, — сказала она. — А там я сама... Хорошо, ты не будешь сердиться?

— Как я буду на тебя сердиться? — отозвался он сразу; сейчас ему даже хотелось, чтобы она ушла, и он, сдержанно попрощавшись с нею за руку, подождал, пока ее фигура исчезла, словно растворилась в темноте, и затем еще долго бродил по поселку и забрел наконец на берег Игрени, присел на камень, прислушался. И ему самому скоро показалось, что он куда-то движется вместе с рекой, и эта иллюзия движения в нем все усиливалась; в темной холодной воде перед ним то проплывало лицо Ирины, а то вдруг мелькнула и растаяла гибкая фигура Галины-приемщицы с туго обтянутой платьем грудью. Он закинул руки за голову, потянулся. Всего этого, пожалуй, не понять, пойти бы сейчас куда-нибудь дальше и дальше, идти бесконечно, дни и ночи в этом мраке, а потом взойдет солнце, и станет светло, и будет какая-то особая, непонятная жизнь. Незнакомые дороги, и реки, и люди, и на каждом шагу свои тайны и новости; сколько в мире разных людей, и городов, и девушек, и ведь все они кому-то встречаются и с кем-то целуются, кого-то любят; идет, идет эта дорога в ночном сумраке, в теплом, живом; и все что-то происходит, меняется, исчезает. Он стоял лицом к реке, жадно втягивая через ноздри сырую прохладу; потом его ноги в тяжелых кирзовых сапогах вдруг оказались в воздухе, он прошелся на руках, упал на песок, засмеялся. «А может, я какой-нибудь музыкант? — подумал он. — Или поэт? А что, если по-свататься к Ирине? Так, мол, и так, дорогой Трофим Иванович...»

Он еще раз походил на руках, поболтал в воздухе тяжелыми сапогами и вернулся домой совершенно успокоенный.

На крыльце молча покурил, послушал собак и тихонько, стараясь не разбудить мать, открыл дверь.

Последнее время у Александра с Васильевым складывались какие-то непривычные отношения; он уже не мог прийти к нему просто так, посидеть, поговорить, порыться в книгах; между ними словно пролегла тень, и Александр, сам того не осознавая, начинал все больше присматриваться к Васильеву, оценивать его с беспощадной, свойственной молодости резкостью; Александру не нравилось, что Васильев много пил, он все чаще, словно невзначай, приносил с собой свежие газеты и, видя, как Васильев хмурился, был в душе доволен; все-таки я тебя пройму, думал он, если тебя ударила чем-то жизнь, нечего портить ее другим, другие здесь ни при чем.

В этом было много детского, и Васильев старался не обращать внимания на то злое и нехорошее, что появилось у Александра в отношении к нему; он любил этого парня, видел его словно насквозь, но что-либо менять в своей жизни не хотел и не мог, и, когда Александр как-то забежал к нему, положил перед ним газету и спросил, читал ли он о новом постановлении ЦК, Васильев, покосившись на его румяное, оживленное лицо, про себя усмехнулся, свернул не спеша самокрутку и, прикурив, со скрытой издевкой спросил:

— А что там читать-то? Это не в новость, Сашка, давно из младенческого возраста вышел. Все хорошо, только вот слов, слов много, покороче бы, попроще.

— Ну так ведь все книги из слов, — сказал Александр быстро и со значением. — Это еще Шоу сказал. Не злись лучше, Павлыч, смотри-ка вон, что пишут.

— Опять о культе, что ли? — нехотя спросил Васильев, скашивая насмешливый темный глаз. — Мне что-то неинтересно, надоело. Помер, похоронили — ну и кончено, и хватит.

Проскурин П.

П 82 Корни обнажаются в бурю : роман, повесть / Петр Проскурин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-389-34197-5

Жизненные маршруты советского писателя Петра Лукича Проскурина нашли отражение и в его творчестве. Выходец из брянской деревни, в послевоенные годы он отправился на Дальний Восток, где работал лесорубом, сплавщиком леса и шофером на Камчатке и в Хабаровском крае. Именно этот личный опыт лег в основу пронзительных ранних произведений писателя, в которых полноправными действующими лицами становятся бескрайняя тайга и суровый климат.

Роман «Корни обнажаются в бурю» переносит читателя в Игреньск — вымышленный поселок, затерянный посреди суровой тайги. В этом отрезанном от мира краю каждый день — проверка на прочность, испытание твердости убеждений и искренности чувств. И любовь здесь вспыхивает с неистовой силой, становясь для одних спасительным маяком, для других — разрушительной стихией, подобной таежному пожару...

Другое знаковое произведение «дальневосточного цикла» Петра Проскурина — повесть «Тайга», напряженная психологическая драма и приключенческий детектив о жестком нравственном выборе человека в экстремальных условиях.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ПЕТР ЛУКИЧ ПРОСКУРИН
КОРНИ ОБНАЖАЮТСЯ В БУРЮ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Светланы Шведовой

Корректоры Полина Малышева, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

A-LMR-43612-01-R